

ОБ ОБЪЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. ВОРОНИН

Воронин Анатолий Николаевич — ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей им. В.Н. Дружинина Института психологии РАН, доктор психологических наук.

Автор более 40 опубликованных работ. В работах отражены результаты исследований проявления интеллекта и креативности в совместной интеллектуальной деятельности и психодиагностики познавательных способностей человека.

Контакты: voroninan@bk.ru

Резюме

Статья посвящена проблеме объекта в экспериментальном психологическом исследовании как методологической проблеме базовых характеристик получаемого психологического знания.

В.Н. Дружинин был неординарным и многосторонним человеком. Обмен мнениями с ним по поводу различных психологических проблем носил как формальный, так и неформальный характер. При этом даже формальное обсуждение разнообразных психологических проблем, например, при утверждении тем научных работ аспирантов и соискателей, обсуждении научных проектов, докладов, представленных на конференциях, всегда было эмоционально и лично окрашено. Тон обсуждения при этом всегда был позитивным и почти всегда вызывал положительные, «долгие и продолжительные» эмоции. Острота слова и оригинальность мысли «по поводу» и «не по

поводу» обсуждаемого ценились не менее, чем то, что обсуждалось. Так, при обсуждении новой книги А.В. Брушлинского на заседании лаборатории после эмоциональных и оригинальных замечаний В.Н. Дружинина и других сотрудников я в первый и, пожалуй, в последний раз увидел А.В. Брушлинского, директора Института психологии, улыбающимся и посмеивающимся «в столь ответственный момент» — при обсуждении своего собственного научного текста.

Неформальное обсуждение разных научных и псевдонаучных проблем (от «утилитарных» — например, конкретное проведение экспериментального исследования — до

«глобальных»: «Что есть развитие социума, и как оно связано с индивидуальным развитием человека») часто проходило в неподходящих для этого местах и в неподходящее время, например, во время перекура на лестнице (хотя курили при этом третьи лица), в буфете, при частных встречах. Наиболее плодотворные неформальные беседы проходили во время чаепитий, в которые Владимир Николаевич вторгался всегда неожиданно, совершая своеобразные «обходы» помещений Института психологии.

Таким образом обсуждались разнообразные проблемы, например, проблема отчуждения, непризнания человеком своих творческих достижений, обозначенная впоследствии как «проблема и феномен сатурации». Другой интересной проблемой, неоднократно поднимавшейся при обсуждениях, была проблема принципиальной невозможности оценки надежности психологических исследований, поскольку объект исследования, с одной стороны, меняется от измерения к измерению под воздействием самой процедуры измерения и, дополнительно к этому, объект исследования изменяется в силу своих имманентных свойств, контролировать которые, в отличие от внешних воздействий, практически невозможно, объект исследования активен, и его активность непосредственно связана с измеряемыми качествами. Неформальное обсуждение проблем не заканчивалось формулированием некоторой согласованной точки зрения или изменением существующей точки зрения. Важно было другое: таким образом определялись перспективы дальней-

ших исследований, иногда весьма и весьма отдаленные.

Так, представляется, что многие проблемы измерения (надежности, валидности и др.) в психологии являются следствием центральной проблемы: что является объектом психологического исследования? Если следовать позитивистской позиции, то объект исследования — фрагмент объективной реальности, противопоставляемый познающему субъекту. Иные гносеологические подходы последовательно отстают от данной точки зрения, приближаясь к солипсизму и агностицизму. Считается, что для гуманитарных исследований приемлемой является точка зрения, согласно которой объект исследования — наиболее общее определение изучаемого, предельно общий конструкт в изучаемой области. Но следование такой традиции приводит к стиранию принципиальных различий между объектом и предметом исследования, что, естественно, не умаляет достоинств такого рода исследований при условии, что и получаемые результаты, возможно, не имеют никакого отношения к действительности, но как некий акт литературного творчества вполне уместны. Часто такое положение дел приводит к тому, что проблема объекта психологического исследования вообще не поднимается и скромно опускается.

Более того, даже в самых продвинутых с позитивистской точки зрения отраслях современной психологической науки объект психологического исследования уместно сравнивать лишь с объектами исследования, принятыми в науке в период ее становления, например, как это было в

свое время в алхимии. Не рассматривая парапсихологических и психотехнических аспектов этого учения, остановимся на объекте изучения как таковом. Так, для алхимиков важно было не только то, что они имеют дело, например, с железной рудой, но и то, из каких рудников эта руда, так как ее свойства оказывались иногда принципиально различными. Более того, железо, получаемое из разной руды, тоже имело разные свойства. Для алхимика было важно не только описание процедур получения железа, но и указание на то, откуда оно взято, так как технология существенно менялась в зависимости от рудника, где была добыта руда. Существенно было не только то, *что* берется, но и *откуда*. Эта ситуация очень схожа с состоянием дел в современной экспериментальной психологии и психодиагностике (может быть, исключая психофизику). Отсутствие прогресса в данном вопросе порождает странные с точки зрения общих представлений о науке направления психологических исследований (в том смысле, что они как отрасли науки морально устарели и соответствуют уровню развития, скажем, химии тогда, когда она была еще алхимией), например, кросскультурные исследования, гендерные исследования (исключая исследования брачного, сексуального и т. п. поведения). Странность этих направлений заключается в том, что предметом исследования становится не «существенное», а побочное. Исследуется, если следовать аналогии с алхимией, не «железо», а различия в примесях, входящих в состав местной руды, причем на описательном уровне. Вероятно, это может быть

интересным и весьма полезным, но это не является предметом исследования химии — науки о химических свойствах вещества. Результаты гендерных и кросскультурных исследований также мало говорят о сути психических явлений, выявляя лишь «местные» и непсихологические различия в объекте исследования. «Случайная выборка» выборка испытуемых — пожалуй, самое неприятное, с чем сталкивается исследователь (хотя часто именно ей отдается приоритет в экспериментальной психологии). Если продолжить аналогию с «железной рудой», то «случайная выборка» — это «руда», взятая неизвестно откуда, и исследовать свойства полученного из нее железа довольно бессмысленно, так как надежды на повторение полученных результатов немного. Выборку, сформированную по непсихологическим параметрам, можно сравнить с «железной рудой», лишь внешне напоминая руду из известного месторождения, но ценность результатов исследований свойств железа из этой руды аналогична ценности результатов предшествующего случая. Более выигрышный вариант — специально сформированная выборка по некоторым существенным психологическим признакам. Но при таком подходе использование традиционных статистических процедур не совсем корректно, так как они предполагают некоторое вероятностное распределение значимого признака в исследуемых объектах, а последовательное формирование выборки существенным образом влияет на вероятность распределения, и его распределение становится по определению не случайным.

Так или иначе попытки решения проблемы объекта психологического исследования естественным образом приводят исследователя, пытающегося работать в рамках позитивистской науки, к приоритету психодиагностики и психодиагностических процедур, позволяющих проводить априорную верификацию и дающих возможность подтверждения адекватности/неадекватности объекта (и предмета) исследования и методик, направленных на его изучение. По крайней мере, психодиагностические методы указывают на очевидные несоответствия, страхуя от явных артефактов, что происходит вследствие существования в психодиагностике формальных процедур контроля «качества» получаемого психологического знания, сформулированных прежде всего в рамках дифференциальной психометрики.

Именно поэтому основное направление деятельности лаборатории психологии способностей, возглавлявшееся В.Н. Дружининым, было связано с созданием адекватных психодиагностических методик. При этом важно было не только создать (воссоздать, адаптировать) методики диагностики способностей, прежде всего познавательных, но и создать (адаптировать) другие, например, личностные психодиагностические методики. При этом общий подход к проведению эмпирических исследований предполагал, что только корректно оцененная группа испытуемых могла рассматриваться как адекватный объект психологического исследования, а проведение исследования (с психодиагностической точки зрения) неизвестно на каких испытуемых либо на испытуемых, оце-

ненных по несущественным признакам, порождает неадекватное исследуемой реальности знание. При этом традиционно считавшиеся приоритетными теоретические изыскания естественным образом перемещаются на второй план. В ходе неформальных обсуждений большинство участников соглашалось с тем, что всегда можно найти подходящую для данных результатов теорию или создать свою. «Мир идей» самодостаточен, богат и разнообразен. Знакомство с культурным наследием позволяет довольно просто ассимилировать и модифицировать его для «актуальных теоретических запросов» психологов. Именно поэтому крайне важно понимание того, что является объектом исследования. Эмпирические результаты одного исследования (или нескольких) объединяются и обобщаются не вследствие наличия «хорошей и/или нужной» теории, а вследствие общности и единообразия изучаемого объекта и/или объектов. Такая точка зрения, в частности, позволяет решить проблему согласованности психологического знания при номотетическом и идеографическом подходах. Кроме того, междисциплинарные исследования в принципе возможны только в случае единого объекта исследования. В этом смысле комплексное изучение человека с философской, социологической и психологической точек зрения просто невозможно. Знания о разных объектах, даже названных одним словом, принципиально не объединяемы и не дополняют друг друга, и это создает лишь иллюзию понимания изучаемого. Собственно говоря, такого типа рассуждения правомерны не только в отношении смежных наук,

но и в отношении различных отраслей психологии.

В скрытом виде затронутые проблемы нашли свое отражение в учебном пособии В.Н. Дружинина «Экспериментальная психология», но жанр

данного издания не позволил автору отразить проблемный характер излагаемого материала, и мое представление об этих проблемах, вполне возможно, не проясняет, а лишь искажает авторский замысел.